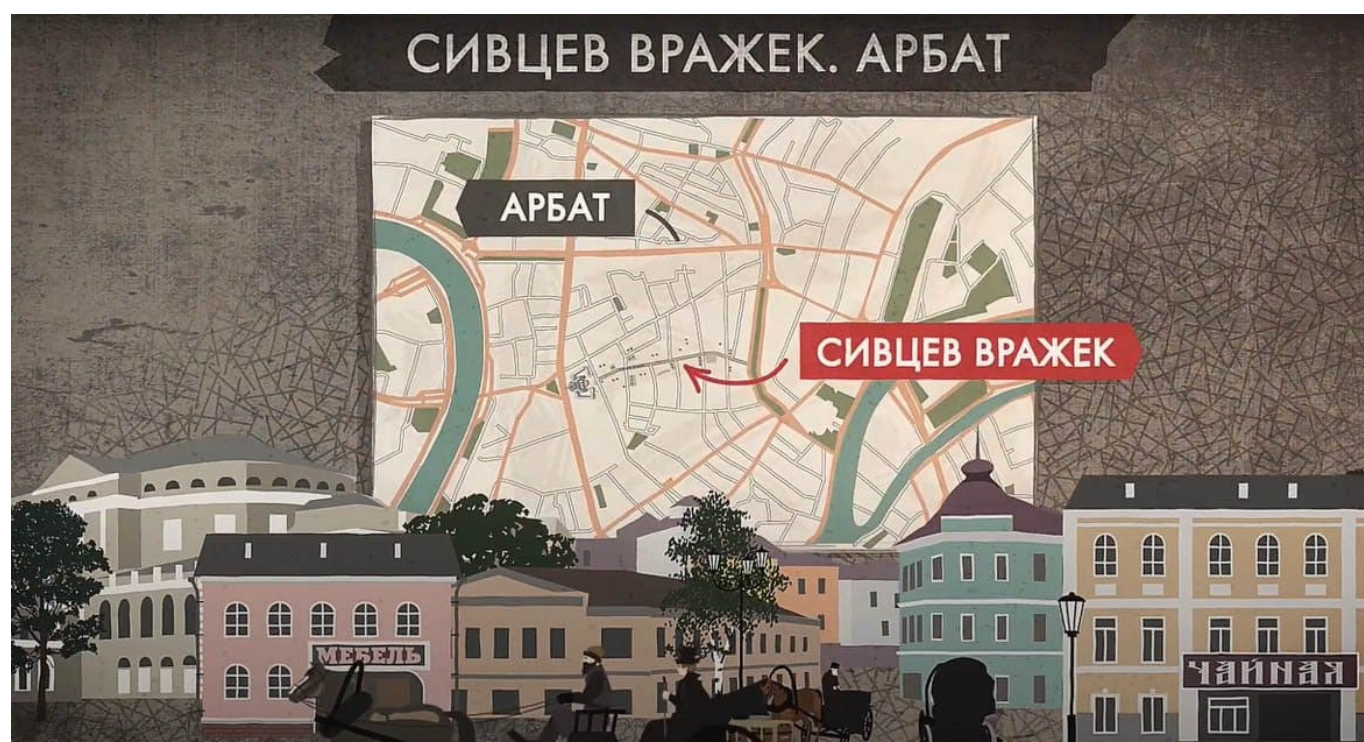

Позапрошлая война на улице Москвы

14.03.2024.

(DR)

Лозаннское издательство Éditions Noir sur Blanc заготовило всем любителям хорошей литературы очередной подарок, который с сегодняшнего дня можно найти в книжных магазинах Швейцарии и Франции.

«О сколько нам открытий чудных...» Кто-из нас помнит эту пушкинскую строку по первоисточнику, кто-то по эпиграфу к популярной в Советском Союзе телепередаче «Очевидное-невероятное». Однако на этот раз мы хотим адресовать ее не деятелям науки и просвещения, но лозаннскому издательству Éditions Noir sur Blanc, то и дело дарящему нам те самые чудные открытия, связанные с нашей же отечественной литературой.

Имя сегодняшнего открытия – Михаил Осоргин. Его малую известность, а то и совсем неизвестность российскому читателю можно в какой-то мере объяснить, если обратить внимание на хронологию издания его книг: до 1918 года – в Москве, в 1921-м – в Риге, а потом – в Париже, Таллине (до 1938 года), Софии, Нью-Йорке... И даже в

1985 году его «Мемуары изгнанника» были опубликованы еще за рубежом – в №84 журнала «Время и мы», выходившего с 1975 по 2001 год сначала ежемесячно в Тель-Авиве, а с 1981 года каждые два месяца в Нью-Йорке. Интересно отметить, что именно в этом журнале, единственным штатным сотрудником которого значился Виктор Перельман, были впервые опубликованы роман Александра Галича «Блошиный рынок», «Поэма существования» Наума Коржавина, «Персональное дело коммуниста Юфы» Виктора Некрасова, «Соло на ундервуде» и «Невидимая книга» Сергея Довлатова.

Пробел был заполнен начиная с 1989 года, когда книги Осоргина выпускались в России одна за другой, а в 1999 году даже вышло Собрание сочинений в двух томах.

Его довольно подробную биографию можно легко найти в открытых источниках, поэтому остановимся лишь на нескольких ее моментах. Михаил Андреевич Ильин, позже взявший фамилию бабушки, родился в 1878 году в Перми в семье потомственных столбовых дворян – некоторые специалисты утверждают, что род вел свою историю от Рюриковичей. Печататься в журналах начал еще в гимназические годы и продолжил это занятие, уже будучи студентом юридического факультета Московского университета, где участвовал в студенческих волнениях и профессионально интересовался положением бедных слоев населения.

Михаил Осоргин (1878-1942)

Как и многие просвещенные люди его поколения, Осоргин критически относился к самодержавию, что привело его сначала к женитьбе на дочери народовольца Маликова, а год спустя – к партии эсеров и к подготовке революции 1905 года, хотя его участие в ней осталось опосредованным: в его московской квартире и на даче

устраивались явки, проводились заседания комитета партии социалистов-революционеров, редактировались и печатались воззвания, обсуждались партийные документы. Воздержавшись от прямого участия в революции, он изменил позицию во время декабрьского вооруженного восстания 1905 года, после чего был объявлен опасным «баррикадистом» и посажен на полгода в Таганскую тюрьму. Освобожденный под залог, он немедленно уехал в Финляндию, а оттуда – через Данию, Германию, Швейцарию – в Италию и поселился близ Генуи, на вилле «Мария», где образовалась эмигрантская коммуна.

Первое вынужденное изгнание длилось десять лет. За это время имели место книга очерков об Италии, увлечение футуризмом и принятие иудаизма (не из религиозных или идеологических соображений, а ради женитьбы на адвокате Рахили Гинцберг), отход от партии и присоединение к масонам, основанное на главенстве этических принципов над партийными интересами.

С началом Первой мировой войны тоска по родине стала невыносимой, и в июле 1916 года Михаил Осоргин нелегально вернулся. Приняв Февральскую революцию 1917 года, он вошел в комиссию по разработке архивов и политических дел в Москве, работавшую с архивом Московского охранного отделения, стал широко печататься. Но длилось это недолго: после октября 1917 года Осоргин выступил против политики большевиков, однако арестован был не сразу, а лишь в 1919 году. За то время, что он оставался на свободе, Осоргин вместе с друзьями, среди которых был Николай Бердяев, открыл ставшую знаменитой в Москве «Книжную лавку писателей», просуществовавшую до 1922 года.

В августе 1921 года Михаил Осоргин был вновь арестован и вновь отпущен – на этот раз благодаря Фритьофу Нансену, активно помогавшему в то время в [борьбе с голодом](#) в России. Отпущен, но выслан в Казань. А осенью 1922 года он был выслан окончательно – на знаменитом «философском пароходе», вместе с другими светлыми умами России. В книге «Как нас уехали» Михаил Осоргин привел комментарий Троцкого на ту высылку: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно». Счастливы, проскочили! Еще несколько лет, и повод бы нашелся, да и искать его уже не стали бы.

Проведя год в Берлине, Осоргин обосновался в Париже, где в 1926 году заключил третий брак – с историком Татьяной Бакуниной, не имевшей отношения к знаменитому анархисту. До 1937 года он сохранял советское гражданство, а потом жил вообще без паспорта, даже нансенского. Но жизнь шла своим чередом – до июня 1940 года. После оккупации Парижа фашистами, Осоргин с женой бежали из французской столицы и поселились в Шабри, на том берегу реки Шер, который еще оставался французским. Там Осоргин написал книгу «В тихом местечке Франции» и «Письма о незначительном». Там же и умер, в 1942-м.

«Осудив войну, писатель размышлял о гибели культуры, предупреждал об опасности возвращения человечества в средневековье, скорбел о непоправимом ущербе, который может быть нанесен духовным ценностям. Вместе с тем он твёрдо стоял за право человека на свободу личности. В «Письмах о незначительном» писатель провидел новую катастрофу: «Когда война закончится, - писал Осоргин, - весь мир будет готовиться к новой войне», отмечает неизвестный, увы, автор статьи в Википедии, и каким же мощным набатом, согласитесь, звучат сегодня эти слова!

MIKHAÏL
OSSORGUINE

UNE RUE À MOSCOU

Traduit du russe par Léo Lack

LES ÉDITIONS
NOIR SUR BLANC

Такое длинное вступление показалось нам важным для того, чтобы, читая роман «Сивцев Вражек», вы оценили, сколько автобиографического, наболевшего вложено в нем Михаилом Осоргиным, вспоминая о котором его современники отмечали, что в отношениях с людьми он выше всего ставил не совпадение идейных убеждений, а человеческую близость, основанную на благородстве, независимости и бескорыстии, не забывая упоминать о его мягкой, тонкой душе, об артистичности и изяществе облика.

Роман-хроника «Сивцев Вражек», самое известное произведение Михаила Осоргина, вошел в упомянутый выше двухтомник российского выпуска 1999 года, а вообще был написан в Париже в 1928-м и в следующем году там же опубликован. Между этими датами была еще одна – 1973 год: именно тогда в швейцарском издательстве L'Âge d'Homme хорошо известного вам Владимира Дмитриевича книга впервые вышла на французском в переводе Лео Лака. И вот теперь перечитанное и исправленное самим же господином Лаком издание увидело свет в серии «[Библиотека Дмитрия](#)», о которой мы тоже уже рассказывали.

По-французски роман назван «[Улица Москвы](#)», что, возможно, и неплохо, поскольку не только иностранцам, но и многим россиянам и даже москвичам, особенно не коренным, название «Сивцев Вражек» может ничего и не сказать. А потому стоит пояснить, что речь идет о переулке в центре Москвы, между Гоголевским бульваром и Денежным переулком. Название переулочек получил в 17 веке, и произошло оно от оврага («вражка»), по дну которого текла небольшая река Сивец (или Сивка), известная еще с века 14-го и в свою очередь получившая название по «сивому» (серому) цвету воды. Сивцев Вражек несколько раз менял своё название, становясь то Троицким, то Протасьевским, то Подьяческим. В 1910-х годах начал обозначаться Сивцевым Вражком, да так и остался.

Несмотря на сказочный для русского глаза и уха элемент в названии – ведь там, где Сивка, обязательно и Бурка, и вещая каурка – в романе Михаила Осоргина ничего сказочного нет, он повествует о совершенно реальных исторических событиях. Сивцев Вражек для автора – символ той почти исчезнувшей интеллигентской Москвы, где прошла его юность и которую он, вероятно, и считал своей Родиной. Можно сказать, что символ выбран верно, если вспомнить, что в разных домах этого переулочка – часть которых исчезла, а часть стала памятниками архитектуры – в разные годы жили или останавливались проездом Марина Цветаева и Максимилиан Волошин, Михаил Шолохов и Ираклий Андроников, Мария Ермолова и Лев Толстой, Александр Герцен и Евгений Пастернак...

Исследователи творчества Михаила Осоргина отмечают, что он следовал традициям Гончарова, Тургенева и Толстого. Не вступая в дискуссию, автор этих строк добавила бы в этот ряд и Пушкина – черты его любимой героини просматриваются в Танюше Осоргина. Однако больше всего поразило нас почти физически осязаемое, осязаемое присутствие в романе [Пришвина](#) и Булгакова. При чем с самых первых строк. Судите сами.

«В беспредельности Вселенной, в Солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка, в своем кабинете сидел в кресле ученый-орнитолог Иван Александрович. Свет лампы, ограниченный абажуром, падал на книгу, задевая уголок чернильницы, календарь и стопку бумаги. Ученый же видел только ту часть страницы, где изображена была в красках голова кукушки.

Не ученые мысли бродили в его голове, а простая житейская о том, сколько лет ему осталось жить. Унесла его эта мысль вглубь леса, где кукует кукушка, и сколько прокукует – столько и жить осталось. Таково народное поверье, и не глупее оно всякого другого предсказания. Ошибается кукушка, как ошибаются и врачи. И ни один врач не может предсказать, когда человека задавит трамвай».

*«Как имя первой осиротевшей матери? Поставлен ли ей памятник с фонтаном – фонтаном слез? В чьем альбоме красуется марка первого письма, написанного солдатом с фронта? И первый стон раненого записан ли граммофоном? Веревкой ли задушено или камнем придавлено первое открытое, вслух брошенное проклятие? Отныне впредь на много лет ничья ищущая мысль, ничье живописующее перо не запашет и не взрастит поля без красных маков войны»*Заметим, что к моменту создания этого романа М. М. Пришвин уже много чего написал о разных пернатых, а М. А. Булгаков в декабре 1928 года только приступил к работе над «Мастером и Маргаритой», где прославил на весь мир трамвай, отрезавший голову несчастному Берлиозу. Однако «Собачье сердце» и «Белая гвардия» уже были опубликованы, в 1925 году, и трудно не уловить протянутые из них к «Сивцеву Вражку» незримые и никаким мечом не разрушаемые нити: речь ведь не о плагиате, конечно, а об удивительном единомыслии людей со столь разными личными судьбами, но с общей болью за судьбу страны, где им довелось родиться. Заметьте, эти нити тянутся и дальше: фамилия одного из персонажей Осоргина Мертваго. Читал ли Борис Пастернак этот роман?

Мы не будем пересказывать содержание романа, искренне надеясь, что вы доставите себе удовольствие от знакомства с ним. Хотим лишь очень кратко, пунктирной линией и несколькими цитатами, проследить вместе с вами развитие центральной сюжетной линии – Первой мировой войны. Уже на первых страницах романа Михаил Осоргин обличает бессмысленность ее «повода»: «Когда маленький серб научился хорошо стрелять, он решил сделаться национальным героем. Для этого нужно убить врага нации – иного способа стать героем не придумано. А так как много маленьких сербов учились стрелять в цель на стене курятника, то одному из них судьба непременно должна была послать новую цель – грудь австрийского эрцгерцога. Этого могло и не случиться».

Этого могло бы не случиться, дорогие читатели, не стукни в голову молодому человеку тщеславие и ложное понимание блага нации. Но ему стукнуло, и не смог уютный домик в Сивцевом Вражке оградить от войны семью профессора орнитологии, и загубила война всегда расчетливого Эрберга, и превратила в обрубок блестящего офицера Стольников, и наградила ночными кошмарами дезертира Андрюшу, и лишила вдохновения старенького пианиста Эдуарда Львовича, написавшего свой последний опус...

«Как имя первой осиротевшей матери? Поставлен ли ей памятник с фонтаном – фонтаном слез? В чьем альбоме красуется марка первого письма, написанного солдатом с фронта? И первый стон раненого записан ли граммофоном? Веревкой ли задушено или камнем придавлено первое открытое, вслух брошенное проклятие? Отныне впредь на много лет ничья ищущая мысль, ничье живописующее перо не запашет и не взрастит поля без красных маков войны», - писал Михаил Осоргин сто лет назад о Первой мировой войне. Может, ошибкой было их нумеровать, словно накликая следующие?

«Что война прикончена, про то в деревнях знали; о том же, кто теперь правит

Россией, правда ли, что царя увезли и чего хотят большевики, понятие имели самое смутное и фантастическое». Что же случилось после той войны под номером 1 и мира, никого не удовлетворившего? Случилась революция, а с ней – террор, принесший новые разрушения, новые бесчисленные жертвы, превративший обычного человека Завалишина в профессионального убийцу, настолько пропитавшегося чужой кровью, что его собственная кровь перестала сворачиваться. «Будьте сволочью и не разводите нюни» – не это ли девиз всех Шариковых и Носорогов?

Каждая война возвращает человечество в средневековье. Но если мы уже знаем, что историей запланировано Возрождение, почему бы не исхитриться и не перескочить, словно через овраг/вражек, этот постыдный этап, чтобы не мучиться до скончания веков вопросами «кто виноват?» и «что делать?»

[русская литература в Швейцарии](#)

[русская литература на французском языке](#)

[русская литература во французских переводах](#)

[Михаил Осоргин](#)

Source URL:

<https://rusaccent.ch/blogpost/lavant-derniere-guerre-dans-une-rue-de-moscou>